

- 3 МАР 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Г. Москва

ЗАЧЕМ ПОЮТ ЧУЖИЕ ШЛЯГЕРЫ

— Я не уважаю артистов, которые поют чужие шлягеры, — сказал мне Ежи Поломский. Мы сидели в просторной комнате его уютной варшавской квартиры, многие «экспонаты» которой напоминали о блистательных победах Е. Поломского на известных международных песенных фестивалях, о его концертных маршрутах, исчисляемых сотнями тысяч километров, — от Ленинграда до Чикаго, от Берлина до Сиднея...

Наша беседа, сначала беспорядочная, как разговор двух друзей, давно не встречавшихся, пронизанная воспоминаниями о прошлом, вдруг приобрела конкретную, деловую форму.

— Пять чужие песни, точнее чужие «раскрученные» шлягеры, — повторил Ежи, — это значит забыть о собственной индивидуальности, искать легкий, не заслуженный тобой успех. Такой успех одурманивает артиста, отучивает по-настоящему трудиться, искать свой собственный «репертуар», свою песню...

Я слушаю Е. Поломского и вспоминаю его первого учителя, выдающегося артиста Людвика Семполинского: еще до войны в варшавском кабаре он исполнил, точнее, сыграл, острую сатирическую песенку «Муй вонсик» («Мой усик»), беспощадно высмеивающую бесноватого фюрера. Потом, после гитлеровского вторжения, Л. Семполинского разыскивало гестапо. За песню «Муй вонсик» грозил расстрел, Освенцим, но ее продолжала петь несломленная, сопротивляющаяся Польша.

В середине пятидесятых годов Е. Поломский, студент театрального вуза, стал одним из самых любимых учеников Людвика Семполинского — почтенного профессора, довольно тучного, но удивительно подвижного человека. Л. Семполинский говорил мне, что поначалу не видел (а может быть, просто не сумел разглядеть) в Ежи Поломском особого дарования. Яркой индивидуальностью отличался другой его ученик Богдан Лазука. Б. Лазука был прирожденный талант, которому все давалось легко, без особого напряжения сил. Возможно, в будущем это его и погубило: легкий успех без постоянного напряжения труда, без сосредоточенности, без усилия воли в конце концов обернулся сценической серостью и ограниченностью. Ежи Поломский же работал, как говорится, не покладая рук, мучительно переживал неудачи, но продолжал трудиться, свято веря, что

только самоотверженный, вдохновенный, до седьмого пота труд способен привести к успеху. Истина не нова, но сколько по-настоящему талантливых, рожденных для сцены, для высокого искусства молодых людей так и не состоялось!

Больших артистов всегда отличала высокая требовательность к себе, к своему репертуару. И большой мастер никогда не искал легкой, проторенной дороги, легких, но «чужих аплодисментов». Я начал эти заметки с рассказа о Ежи Поломском не случайно... Просто он, мой давний товарищ, мечтает приехать с большой концертной программой в нашу страну. В силу определенных обстоятельств его разлука с советскими зрителями, которых он любит и ценит больше всего — и, поверьте, это не дань штампу, а истинная правда, — затянулась...

Многое изменилось на нашей эстраде, изменился и сам зритель, он стал более информированным, более требовательным. Искверненная русская речь в устах зарубежных гастролеров больше не вызывает у него слез умиления, а клятвенная приверженность гуманистическим идеалам современности в газетных интервью не заменяет строгих оценок художественных достоинств артиста. И, пожалуй, в чем действительно не изменился наш зритель, так это в умении тонко чувствовать настоящее искусство, отличать мастерство от ремесленничества, талант от поделки, новаторство от копирования.

Я рассказываю Ежи Поломскому о переменах на нашей эстраде, о новых актерских и композиторских именах, о множестве молодежных ансамблей, получивших общественное признание в последнее время, о постоянной непреходящей любви к хорошей, мелодичной, содержательной песне, созданной союзом талантливых людей. Он переспрашивает, пытаясь вникнуть в глубину происходящего, ведь это для него не праздный интерес, а скрупулезная работа профессионала, готовящегося к ответственным гастролям в нашей стране...

— Когда я выступал в Соединенных Штатах, — говорит Ежи, — американский импресарио предложил мне отказаться от польского репертуара. Он считал, что кратчайший путь к зрительскому успеху лежит через исполнение популярных во всем мире американских, итальянских шлягеров.

К сожалению, эта бытующая в западном шоу-бизнесе точка

зрения, увы, порой находит свое конкретное воплощение и в репертуаре артистов и ансамблей из социалистических стран. Помню, как в начале шестидесятых годов я беседовал на эту тему с певицей из Вроцлава Анной Дамм, приехавшей в составе группы артистов польской эстрады в нашу страну с репертуаром «с чужого плеча», слепо копирующей западных идолов тех лет.

— Зрителям абсолютно все равно, что мы поем, — убеждала Анна Дамм, — они пришли на наш концерт отдохнуть, развлечься, как в ресторан...

Не в этом ли объяснении — «как в ресторан» — зарыта собака... Я ничего не имею против ресторанов, ресторанных оркестров и музыки, которая там звучит. Но не могу согласиться с теми представителями высоких муз, которые пытаются насаждать в концертных залах, эстрадных театрах, дворцах спорта ресторанный дух. Именно от такого ощущения не мог избавиться, когда недавно смотрел по телевидению концерт артистов болгарской эстрады в Государственном концертном зале «Россия». Братья Аргировы и группа «УКВ-103» в тот вечер часто «потчевали» зрителей безвкусным «коктейлем», составленным из широко известных песен западных коммерческих групп. Зачем это понадобилось способным артистам, сказать трудно, ведь куда мелодичнее и благороднее звучали собственные болгарские песни — ритмические, интересно оркестрованные, дающие возможность исполнителям, как говорится, показать себя... Или молодые артисты не так уж уверены в себе и к спасительному шлягеру «выручалочке» решили прибегнуть, чтобы вырвать у публики дополнительные аплодисменты, взвинтить, поднять настроение зала?

Решение проблемы успеха у публики за счет кого-то характерно не только для некоторых польских и болгарских артистов, но и для гастролеров из других стран, берущих напрокат чужие, далеко не всегда художественно качественные песни. И здесь бы хотелось видеть большую активность работников Министерства культуры СССР, Госконцерта, занимающихся организацией гастролей в нашей стране зарубежных артистов. Многие зависят от их художественного вкуса, эрудиции, умения убеждать (именно убеждать), от собственных обоснованных представлений и о работе артиста, и о значении культурного обмена. В этом смысле мне, например,

было отранно наблюдать кропотливую серьезную работу сотрудника Госконцерта Г. Нановской с одной из наиболее ярких «звезд» польской эстрады Марылей Родович. Недавняя программа, которую Марыля привезла в нашу страну, нуждалась если не в переработке, то, по крайней мере, в усовершенствовании. И это было сделано.

Вообще деловое, доброжелательное сотрудничество деятелей культуры наших стран, лишенное комплиментарности, ненужной суеты, пустословия, может принести пользу и в организации гастролей, и в убедительности репертуара гастролеров.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось неправильное впечатление, что я обрушил весь свой полемический запал на западную песню, хорошую и плохую, смешав все воедино. Нет. Мы с интересом слушали выступавших в нашей стране Тото Кутуньо, Демиса Руссоса, ансамбль «Спейс», многих других. Оценивали их песни, не всегда равнозначные, но неизменно вызывающие горячее обсуждение. Нам интересно было слушать их, потому что это были именно их песни, ими созданные и им принадлежащие. С другой стороны, я, конечно же, не призываю «запрещать» пять чужие песни. Эти заметки о профессионалах, о том, что нежное профессионалам, приезжающим в нашу страну, «удивлять» нас тем, что нам и так хорошо известно.

Ежи Поломский, который так ответственно готовится к гастролям в нашей стране, представитель той блистательной плеяды польских «звезд», к которой принадлежала и выдающаяся певица современности Анна Герман. Что греха таить, есть очень много исполнителей — хороших, средних, никаких, много лет мечающихся по эстрадам, концертам, телеэкранам, но так и не сумевших спеть свою одну-единственную песню. Нужную людям и понятную им. И поэтому не оставивших после себя никакой памяти. У Анны Герман таких песен было много, и за каждую ей приходилось бороться своим талантом, своим сердцем, своим здоровьем. Потому что даже людям, наделенным выдающимся дарованием, ничто не дается легко. И сколько надо было выстрадать, пережить, передумать, выплакать, чтобы вот так один раз спеть «Надежду»... Свою песню.

Александр ЖИГАРЕВ.